

УДК 81'42

DOI: 10.17223/19986645/40/2

О.Н. Копытов

МОДУС НА УРОВНЕ ДИСКУРСА (НА ПРИМЕРЕ «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ»-2014)

В данной статье автор продолжает свою концепцию модуса (в духе Шарля Балли) на пространстве текста так, что выводит модус на уровень дискурса. Он производит это на примере острого политического противостояния 2014 г., прежде всего, в медийном пространстве, глобальных политических сил – США и их союзников с Россией. Показано, что модус является не только органической семантической частью пропагандистских приемов, способом маскировки и умалчивания истинных намерений говорящих, но и маркером искренности.

Ключевые слова: модус, текст, дискурс, СМИ, глобальная политика.

Весь 2014 г. мир следил – конечно, посредством СМИ – за событиями на Украине и вокруг них. И это «вокруг» было и есть намного важнее локальной ситуации. Украинские события стали своего рода катализатором для мировых политических процессов, так сильно напоминающих недавнее прошлое с противостоянием двух мировых систем – капиталистической и социалистической, о чем почти сразу с началом этих процессов в тех же СМИ заговорили в терминах «новой холодной войны», «информационной войны» между Западом и Востоком, немного изменив, по сравнению со второй половиной XX в., конфигурацию первого (как минимум добавив в нее прибалтийские страны и Украину) и сильно изменив конфигурацию второго. Теперь – не «страны социалистического лагеря», а только Россия.

Не одни СМИ с их природной оперативностью освещения чего бы то ни было, но и научное гуманитарное сообщество практически сразу за «горячим» украинским февралем 2014-го стали осмысливать события на Украине и «новую холодную войну»: этой тематике, например, было посвящено немало докладов весьма представительного VIII Конвента Российской ассоциации международных исследований «Посткризисный мир: новый регионализм и сценарии глобального управления» 25–26 апреля 2014 г. в МГИМО МИД России. Быстро откликнулся статьями на украинскую тему журнал «Политическая лингвистика». Например, статьей Л.Н. Синельниковой из Луганска [1].

Мы также следили за событиями на Украине и «вокруг них», используя определенные инструменты. При лингвистическом взгляде – **модус**. Мы попытались не только рассмотреть аспект «модус в арсенале информационной войны», попутно определив наше отношение к самому термину «информационная война», но и выполнить важную теоретическую задачу: вывести модус не только на пространство текста, что делали совсем недавно, но и на пространство дискурса, что является нашей актуальнейшей задачей.

Итак, о модусе, «информационной войне» посредством СМИ, о Западе и Востоке, о модусе на пространстве текста и о модусе на пространстве дискурса – по порядку.

В ряде исследований (см. [2]), развивая идеи Т.В. Шмелевой [3] и опираясь на ее классификацию модусных смыслов [4], мы показали, что модус – субъективная ипостась каждого высказывания (теория Шарля Балли [5]), хотя и не имеет полного перевоплощения на пространстве текста, но способен выстраивать длинные, в том числе и на весь текст, линии, последовательности определенного отношения автора, персонажей и упоминаемых в тексте субъектов к предмету и способу речи (мы назвали эти линии *сложные модусные перспективы*). Тем самым модус «работает» на идею всего текста (что согласуется с функционированием в тексте «авторской модальности» [6. С. 26–27]), на оценку главных и второстепенных предметов речи, так или иначе воздействуя на объективную ипостась высказывания и текста – диктум, зарождая у адресата наряду с его собственными представлениями о мире определенные автором представления о нем.

Так, в статье [7] говорилось об этом на примере анализа статьи С. Казначеева «Прогнувшийся (Против Макаревича)» из «Литературной газеты» (10–16 августа 2005 г.). Автор статьи сразу задает модусную рамку отрицательной оценки предмета речи, формально удаляет себя из текста и вводит формально коллективного субъекта речи «мы», часто употребляет предельно объективированные безличные конструкции («возникает сомнение»), строит на протяжении всего текста сложные модусные перспективы внутри заданной модусной рамки и, не только формами экспликации оценки с оператором «плохо», их как раз мало и это не прямые формы не прямой оценки (*Так это что, мученичество, что ли?*), но и самым разнообразным модусом – персуазивным, авторизационным, модальным, метатекстовым и др., однако так или иначе «работающим» в свете первоначальной негативной модусной рамки, регулярно дополняет отрицательную оценку самого Актанта-объекта и распространяет ее на Коагенов.

Здесь мы выдвинем гипотезу, что существует не только явление «модус на пространстве текста» – как отдельно взятого, так и вообще-текста, инварианта, но и явление «модус на пространстве дискурса». Понимая под последним при всем множестве его толкований [8] и простейшем определении как совокупности текстов с похожими характеристиками прежде всего смыслы, циркулирующие между рядом однонаправленных текстов и родственным рядом однонаправленных действий внутри самой действительности, которые эти тексты отражают. Не исключаем в нашем понимании дискурса разворачивание понимания текста адресатом на фоне его знаний и установок [9. С. 32].

Механизм осуществления модуса на пространстве дискурса (в таком понимании последнего) – вне масштаба и уровня сложности – похож на механизм осуществления модуса на пространстве текста. Но на новом уровне сложности, наряду с *модусной рамкой*, создаваемой до текста (в замысле), *сложными модусными перспективами* (линиями модуса внутри текста) и *сложными модусными структурами* (отношениями между линиями), появляются новые категории – *модусное поле дискурса* и *модусная рамка поли-*

тики тех действий, которые происходят в действительности, будучи затем отражены в ряде однородных текстов. Под политикой в данном случае мы понимаем вообще программу любых действий, но в свете последующих демонстрационных областей данной статьи помним, что слово *политика* прежде всего ассоциируется с вышедшим из одноименного трактата Аристотеля значением «организационная и регулятивно-контрольная сфера общества, основанная в системе других таких же сфер: экономической, идеологической, правовой, культурной, религиозной» [10. С. 251].

Весьма актуальна в качестве примера модуса на пространстве дискурса «информационная война» по поводу Украины в СМИ США и Западной Европы, с одной стороны, России – с другой, протекавшая весь 2014 г.

Конечно, нужно начать с толкования словосочетания «информационная война» и сразу сказать, что мы не видим сколько-нибудь терминологического значения в этом словосочетании. Мы согласны с тем, что писал в 2003 г. А.В. Манойло: «...термин «информационная война» все еще носит публицистический характер – об этом свидетельствуют непрекращающиеся дискуссии по поводу того, что же на самом деле скрывается под этим понятием <...> Как следствие, мы можем наблюдать использование в научной литературе нескольких десятков различных формулировок «информационной войны», явные (индивидуальные) достоинства и столь же явные недостатки которых... не позволяют отдать предпочтение ни одной из них» [11. С. 23–24]. Однако нас не устраивает и длинное описание вышеуказанного автора – «государственная информационная политика в особых условиях». Допустим все же использование словосочетания «информационная война» в кавычках, направив внимание читателя не на оформление термина-знака, а на референтов из области воздействия акторов (здесь – участников мировой политики, которые могут влиять на процессы, происходящие в мире) на СМИ (прежде всего – своей страны) с целью вызвать массовое согласие со своими действиями. И попутно заметим, что из двух главных функций политики – подчинения и согласия – сегодня главную роль во внутренней политике играет все же вторая, оттого так возросла роль медиа. Причем эта роль возросла таким образом, что нужно говорить уже об определенной **медиатизации** политики, т.е. делегировании части своих функций, направленных на управляемые властью СМИ (без предоставления последним властных полномочий, конечно).

Сам механизм воздействия акторов на СМИ не являются нашим предметом. Мы полагаем, что доминирующая суммарная редакционная политика, **мейнстрим** складывается амбивалентно: одновременно субъектно-субъективно и объектно-объективно, при этом на модус во всех смыслах влияет первое.

Нас интересует механизм осуществления модуса на пространстве текста в плане выражения и в плане содержания, т.е. лингвистическая проблема, и механизм осуществления модуса на пространстве дискурса, т.е. проблема описания речевых и внеязыковых феноменов на уровне высших филологических абстракций.

Последовательность осуществления модуса на уровне дискурса, в нашем представлении, происходит так. Акторы задают определенный политический

модус дискурса как рамку отражения в СМИ своих действий. Например¹, таким образом. «США сегодня – единственная в мире конструктивная сила поддержки демократии во всем мире (знак «плюс»)), но (обязательно противопоставление, а не сопоставление) Россия всячески этой поддержке препятствует (знак «минус-1»)) и вытаскивает из темного мирового прошлого несколько конкретных видов агрессии против других стран – аннексия территорий, вооруженное вмешательство во внутренние дела суверенных стран, торгово-экономическое давление, наконец, терроризм (знак «минус-2»)). Что обязательно: при создании такого рода политического модуса «свой» актор всеположителен «по умолчанию», но не поименован (анонимное как объективное), а «чужой» актор, который в негативном свете (вплоть до сравнения с одиознейшими персонажами типа Гитлера) должен отражаться в континууме текстов «своих» СМИ, должен быть поименован обязательно – в данном случае Владимир Путин (пусть такое огромное и разнообразное количество действий одному человеку осуществить невозможно, главное – не истина, а семиотическая формула).

В таком описании политического модуса и политического дискурса в нашем примере очевиден вызов. А на вызов, если оппонент чувствует себя в силе, дается ответ. Ответ был дан, хотя вызывающий, похоже, не совсем на это рассчитывал. Актор, вызванный на «информационный бой», задал свой политический модус. Примерно так: «США – единственная в мире страна, строящая однополярный мир с позиции собственной силы – финансовой, военной и политической прежде всего, и это плохо, ибо развивает только собственный волюнтаризм, склонность к агрессии, произвол по отношению ко всем другим» (знак «минус-1»)). Склонность к агрессии имеет несколько конкретных видов – экономический и политический захват территорий, в том числе – поддержкой националистических режимов и одобряющих фашизм, но лояльно относящихся к доминированию США в мире и продвижению НАТО на восток, торгово-экономическое давление (здесь оно емко поименовано, причем самой противоположной стороной – «санкции»), поддержка терроризма, если он инструмент для достижения целей США (знак «минус-2»)).

Асимметричность ответа в «информационной войне» в том, что актор не назван именем собственным, это не «Обама», как раз наоборот, этот конкретный политик сведен к слабой фигуре и даже к предмету иронии, как и иные публичные «акторы», например, Джен Псаки. Главная асимметричность ответа в том, что актор с российской стороны изначально выбрал способ большей гибкости по отношению как к собственной реальной политике, так и к циркуляции смыслов между медиатекстом и действиями в реальной политике как предмету его отражения. Знак «плюс» в этом политическом модусе в силу слабых экономических и внутрениполитических показателей России: коррупция, отсутствие значительных экономических достижений последних лет, и т.д. – трудновыразим и слаб, но можно прочитать его в таком виде: «Россия – единственная страна в мире, где поддерживаются традиционные гуманистические ценности и волеизъявление народов к самоопределению».

---

¹ То есть мы не претендуем на неприкосновенно исчерпывающее описание этой рамки.

Ширина политической модусной рамки и вообще модуса дискурса в носителем «разрешении» работать и/или иметь голос «оппозиционным» и «либеральным» СМИ и персонам, правда, при одновременной постоянной критике их и в целом «либерального» мировоззрения со стороны СМИ «державных» и «патриотических» персон.

А вообще модус политического дискурса (как и любой модус дискурса) в нашей гипотезе всегда шире и модуса ряда текстов, и модуса отдельного текста: циркуляция смыслов между действительностью и текстами пусть не кардинально, но меняет и первое, и второе, и третье. И даже первоначально очень строго, жестко и сильно заданный модус как политическое поле – сильно и строго очерченная модусная рамка политики (со стороны США в области нашего примера, прежде всего), кроме «ортодоксальных» текстов, рано или поздно допустит и существование альтернативных (в ином поле), но обязательно исходящих из малотиражных СМИ, с небольшой аудиторией, тогда как модус конкретного текста вообще строг.

Но в целом данная «информационная война» – это не что иное, как создание совместно средствами политики и СМИ (медиатизированных) двух разных дискурсов. Эти дискурсы не лежат в одной плоскости, они лежат в разных плоскостях и пространствах, отталкиваются от разных критериев истинности, от разных установок и ценностей, от разных мифов и реальных прецедентов близкой и далекой истории. А главное: эти критерии истинности, установки, ценности и мифы *не борются друг с другом*. То есть это внешне абсурдная «информационная война», когда у каждого из противников свое собственное «поле боя», *таковых два*. Подлинная же война, даже информационная, – это боестолкновения на *едином* поле, на одном для двух сил поле военных действий (Тулон, Бородино, Ватерлоо и т.п.). Эти дискурсы – параллельные возможные миры, они противоположны только знаками «плюс» и «минус», но абстрактными и условными, существующими оторванно от общих координат измерения.

Это положение из области философических абстракций, но очень важна и практическая невозможность прямого столкновения двух дискурсов: только малый процент интеллектуалов в России читает американскую прессу на английском языке, и наоборот.

Мы наблюдали за выбранным объектом – «холодной войной-2014» – в медиапространстве **методом мониторинга**, понимая под ним «систематическое наблюдение за каким-либо процессом с целью фиксировать соответствие (или несоответствие) результатов первоначальным предположениям» [12]. За единицу времени выбран месяц: за это время выходят несколько номеров даже еженедельника, факты остаются в рамках обозримого характера и возможен финиш один медийного сюжета в последовательности «новость – комментарий (точка зрения с оценкой) – аналитика». Месяц удобен и для временной фиксации политических и военных событий. Мы взяли два критерия для выборки публикаций: они должны относиться к политическим и военным событиям на Украине за 7 месяцев: с 1 февраля по 5 сентября 2014 г. Касательно собственно войны – освещать периодическое вооруженное противостояние повстанцев и силовиков на востоке Украины с февраля по март, затем – регулярное военное противостояние Вооруженных сил Ук-

раины и «армий» ДНР и ЛНР с апреля по август и начало сентября по его окончании с Соглашением о перемирии, подписанным в Минске 05.09.2014. Они должны относиться к двум медиаформатам: 1) российским СМИ – консервативным, державным, патриотическим и «антилиберальным» («1-й канал», «Россия 1», «Вести FM», «Аргументы и факты», «Литературная газета», «Российская газета», «Эксперт», Odnako.org и под.); 2) СМИ, противоположным в освещении данной тематики первому формату, – и из России, но главным образом из США, Англии, Франции, Германии, Польши, Норвегии, Турции (в нашем переводе с английского на русский язык или в переводах портала «ИноСМИ»). Учитывались и альтернативные форматы внутри обеих зон. Таким образом, мы собрали материал исследования, включающий около 800 текстов, от новости (заметки) до крупной статьи, которые в примерном соотношении «один к одному» репрезентируют две смысловые матрицы одного тематического дискурса. (Материалы украинских СМИ мы не брали принципиально в силу, прежде всего, их дискурсивной вторичности, во вторую очередь – в силу их предвзятости, ангажированности, агрессивности и проч. А познакомиться с конструированием политической реальности в русскоязычном медиадискурсе Украины можно в диссертации [13]). При обработке материала нами использовался метод экспликации модусных смыслов в тексте [2. С. 210–215] и дистрибутивный анализ.

Продemonстрируем на нашем материале, как *медиа*тексты укладываются в *модусную рамку политики*, как при этом в них очерчивается *модусная рамка текста*, как и куда в этих текстах пролегают *сложные модусные перспективы*, как образуется *модусное поле* в *медиадискурсе*.

Сразу скажем, что модус как таковой, как его описал классик лингвосемантического жанра Шарль Балли, – логико-психологическая операция с диктумом, представлением об объективной действительности, содержащемся в предложении («Дождь», «Хочу дождя», «Надоели дожди», «Я не чувствую никакого дождя» и т.д. – разные модусы к одному диктуму-представлению «дождь»), и в том сложном виде, как мы выводим модус на пространство текста, – не единственное и даже не главное оружие в арсенале «информационной войны». Чаще встречаются и наделены большей «поражающей силой» явления, которые можно назвать разными видами лжи (включая «непроверенные факты», «передергивание фактов» и т.п.), трансформациями и аппликациями, «томографией». *Ложь* в описании не нуждается, если она очевидна (сказать, что одесситы, укрывшиеся 2 мая в Доме профсоюзов, «сами себя сожгли», или то, что при первых налетах украинских военных самолетов на Донецк «ракеты сами наводились на кондиционеры Дома правительства», – ложь очевидная). Остальные приемы опишем кратко. *Трансформации* – такое не прямое и частично прямое цитирование оппонента (врага), когда благодаря речевой ретуши некоторых первичных форм и помещению в определенный контекст (т.е. благодаря фреймингу) первоначальный смысл его высказывания предстает в ином и даже противоположном виде. (Например, «цитирование» «Гардиан» высказываний полевого командира новороссийцев Беса (Безлера), которое в дальнейшем служило доказательством тому, что именно повстанцы сбили малазийский гражданский авиалайнер.) *Аппликации* – присоединение к реальным отрывкам речи оппонента (врага) его воз-

возможных и/или собственных речевых форм, поворачивающих смысл «целого» высказывания, т.е. теперь неоднородного по субъекту речи конструкта, в «идеологически правильную» сторону. Очень часто (с обеих сторон) в этой (2014 г.) мировой «информационной войне» встречалась *«томография»* – почти в полном соответствии с физическим и медицинским смыслом термина это получение послойного изображения внутренней структуры объекта, здесь – это *как бы мнимое* ментальное сечение сознания политического субъекта, медиаобъекта, например: *Путин (или Обама, или Ангела Меркель) хочет, думает, стремится, замышляет то-то и т.д.*, без малейших попыток верификации, ибо журналист здесь не ищет истину, а лишь в чем-то убеждает, точнее – соответствует модусной рамке политики (да и невозможна чаще всего такая верификация). Сверхзадача «томограммы» – «представить высокопоставленного оппонента в глазах адресата интеллектуально и/или психологически неадекватным.

И всё же все вместе – и собственно модус высказываний, складывающийся в сложные модусные перспективы текста, и приемы лжи, аппликации, трансформации, «томографии» – осуществляется в тексте именно в поле модуса как пред-данной тексту логико-психологической установки на *определенную* коммуникацию. Чаще модуса оценки с логическими операторами «хорошо–плохо», а также нередко персуазивности – «достоверно–недостоверно», модальностей возможности, желательности и необходимости, так или иначе с оценкой связанных и/или с ней коррелирующих (см. наши «минусы» и «плюсы» выше).

В первых из наблюдаемых нами текстов российских СМИ по данной проблематике (февраль – март) модус на пространстве текста еще не складывался в определенную рамку четкой и недвусмысленной оценки, тогда как жесткая рамка в американских и западноевропейских СМИ уже была. Один из главных примеров тому – то, что в западных медиатекстах мейнстрима согласные с новой украинской властью и все ее вооруженные адепты, включая «нацгвардию», нелегально и полулегально вооруженные батальоны типа «Айда» сразу и до Минских соглашений 5 сентября (и далее) именовались нейтрально и положительно – *Ukrainian people, the Ukrainian army*, а противостоящие им, причем все – и мирное население, и вооруженные люди – однозначно отрицательно и шаблонно – *rebels (новостанцы)*. Отрицательное значение устанавливается и синонимическим рядом с *rioters, insurgents (бунтари, мятежники)*; реже в нашем материале, но встречаются *separatists* и другие лексемы с более выраженным отрицательным значением (например, *terrorists*, в особенности после трагедии с «Боингом»). «Номинативный модус» с отрицательно-оценочным значением – одно из самых сильных рамочных средств выражения модуса оценки на пространстве текста.

В российских СМИ самая сильная отрицательно-оценочная лексема в отношении украинских силовиков – «каратели», по нашим наблюдениям, появилась только после 2 мая, а широко распространилась (включая «Первый канал», особенно долго сопротивлявшийся употреблению этого слова) только в июле – начале августа – самый угрожающий для Новороссии период войны, когда кольцо войск противника сжималось вокруг Донецка и Луганска, самыми ожесточенными были бомбардировки новороссийских городов и сел, а

военспецы и политологи всерьез стали рассматривать сценарии военного поражения Новороссии.

Вообще для российских СМИ какой-то однозначно положительной рамки – модусной, дискурсивной в широком смысле слова, тем более эпистемической, или какой-то еще для Новороссии, Луганской и/или Донецкой народной республики, даже для беженцев, создано не было. Однозначно положительная рамка была создана только для самого первого ключевого для России события вокруг Украины – возвращения Крыма. В нашем материале наиболее сильный пример экспликации оценки внутри этой рамки – статья под названием «Время – звонарь» Анатолия Салуцкого в «Литературной газете», (2014. № 13) в рубрике «Общество», подрубрике «Хорошо» (это, в нашей терминологии, прямой модус-рубриктор): *Возвращение Крыма – это хорошо, очень хорошо, это счастье*. Далее тема Крыма шла по убывающей, поскольку твердая положительная оценка закрывает проблематику. А итоги теме «Крым наш» отнюдь не проправительственная «Новая газета» подвела уже 17 апреля в большом (0,48 п.л.) материале «Вежливые люди в Крыму: как это было» и таким аксиологическим выводом (полужирным шрифтом здесь и далее выделяем формы модусной экспликации): ***Политическое значение этой истории каждый волен оценивать в силу убеждений. Но я считаю удачей для всех, что решающие приказы в Крыму отдавали люди, ценящие чужую жизнь не меньше, чем боевую славу*** (<http://www.novayagazeta.ru/inquests/63246.html>).

Сама Украина как государственный и политический проект сопровождалась в российских СМИ главным образом по линии не оценочного модуса, а персуазивного – с операторами недостоверности, неправды, лжи, симулякрости. Так главным образом накладывалась модусная рамка на диктум «Украина» в начале «информационной войны», в апреле – мае. Затем тот же модус уже накладывался главным образом на диктум «США». ***Что касается этногенеза украинцев, то этот процесс не завершен; В единую общность украинцы так и не сложились*** (Интервью Олега Назарова с Тамарой Гузенковой // ЛГ. 2014. № 13); ср. текстово-рамочный элемент – заголовок: «**Украинцы incognito**»).

Целый реестр модуса персуазивности с операторами недостоверности, неправды, лжи, симулякрости к диктуму «Украина» (власть, правые, идеологи и под.) соберем только с одной третьей полосы «Литературной газеты» № 8 за 2014 г. (из материалов, где подобный модус так или иначе есть и в рамке заголовков – «Бандеровщина», «Руины независимости», «Комплекс исключительности»): ***К какому «светлому будущему» поведут последователи Бандеры... гадать не надо; Только не надо всерьез говорить о высоких идеалах свободы...; Тут как в старом анекдоте...; Но лишь теперь утверждения, воспринимавшиеся с известной долей скепсиса, приобрели характер бьющей в глаза очевидности*** (по поводу заявленной, но не осуществляемой общественной ответственности радикалов); ***Комментарии излишни***. И т.д.

Насыщен и даже, наверное, перенасыщен подобным модусом, что явно свидетельствует о сложных модусных структурах и предзаданной модусной рамке, возможно, и о дискурсивном поле, один лишь материал с характерным

заголовком **«Над пропастью во лжи»** Олега Неменского (ЛГ. 2014. № 13). Есть подобный модус и в статьях с сюжетным характером композиции (репортажах, реконструкциях пропозиций и под.): ***Вряд ли такая «военная хитрость» Киеву поможет*** (В шаге от Украины // АиФ. 2014. № 18).

Западные СМИ с самого начала и однозначно задали формулу высокой персуазивности терминов «Украина» и «украинцы» и постепенно свели разговор об этом на нет (закрыли тему, как российские СМИ – тему Крыма). В этом отношении крайне показателен материал одного из самых активных бойцов «информационной войны» – американского ресурса «The Fiscal Times», озаглавленный «12 Things You Didn't Know About Ukraine». Там содержатся такие, например, утверждения: *Люди жили на территории Украины более 44 000 лет. В Средние века регион стал центром восточнославянской культуры; После распада Советского Союза Украина занимает второе место по количеству военных в Европе после России. Она унаследовала эту военную мощь от Советского Союза; В X и XI веках страна была известна как Kyivian Rus (прилагательное близко к фонетике украинского языка. – О.К.) и была первым восточнославянским государством – наиболее мощным государством в Европе в то время; После развала на части в XIII веке за контроль над страной боролись различные державы; В XVII и XVIII веках возникла и процветала казацкая республика...* (<http://www.thefiscaltimes.com/Articles/2014/04/27/12-Things-You-Didnt-Know-About-Ukraine>).

Вроде бы вышеприведенный ряд – чуть ли не сугубо фактический, пропозитивный и высокоэпистемический. Но он помещен в модусную (и дискурсивную) рамку «Украина», а не «Древняя Русь» и «Россия». И характерно то, что источниками указаны The (U.K.) Telegraph; Reuters; CNN; Wikipedia, Maps of World. То есть, по сути, здесь указание именно на СМИ-дискурс западного мира (с его критериями истинности и установками).

«Российский пророссийский» медиадискурс задал совсем другой вектор «Украины», с другими координатами истинности: это *...австро-венгерский проект «Украина», с выдумыванием новой истории, а самое главное, с мыслью о том, что они не русские. Рождается термин «Украина-Русь», где значимость понятия «Украина» повысилась и само слово стало восприниматься не только как географический термин, но отчасти и как название этнического пространства. <...> В ходе борьбы украинства с русской идентичностью он стал конкурировать и с официальным и церковным термином Малороссия, вытеснив его окончательно в 1920-х годах в связи с большевистской политикой украинизации. Анна Соболевская* (<http://gblor.ru/blogs/proekt-ukraina-eto-antirossiyakrizi/263664>).

Подобный вектор данного дикурса наиболее жирно прочерчен, четко и громко артикулирован в блогосфере и сетевых изданиях (например, KM.RU: С потерей Крыма проект «Украина» можно считать закрытым – от 06.03.2014; целый ряд материалов в Odnako.org). Есть немало синонимичных высказываний и в традиционных СМИ («Вести недели» телеканала «Россия 1», «ЛГ», «Российская газета» и др.).

Примерно с конца апреля дискурс российских СМИ вводит координаты оценки, истинности, а вслед за ними и модальный модус (необходимости, долженствования и т.д.), которые можно выразить, семантически распро-

странив центральный врез к интервью Евгения Шестакова с Сергеем Карагановым в «Российской газете» от 24 апреля 2014 г.: «В ситуации вокруг Украины Россия отказалась играть по старым западным правилам» (модус: это достоверно и хорошо). Одновременно появляется дискурсивная практика оценивать США как страну, которая навязывает миру игру по правилам сильного, т.е. ее собственным правилам.

Чуть позже – в мае – июне – такие формулы (рамки внешнего политического дискурса) артикулирует в своих интервью глава внешнеполитического ведомства Сергей Лавров (например: Свобода слова – в одни ворота? // АиФ. 2014. № 18); позже – лидер России Владимир Путин (например, телерепортажи «России 24» и других каналов о совещании с членами Совбеза от 03.07.2014).

А прагматико-дискурсивная цель такого вектора дискурса хорошо иллюстрируется отрывком из вышеупомянутого интервью с Сергеем Карагановым. Нам придется процитировать немалый фрагмент, но он ярко показывает, как при помощи эксплицированного (иногда и «нулевого»: см. второе предложение цитаты с полной уверенностью говорящего в своей правоте) модуса расставляются акценты данной дискурсивной рамки.

В ситуации вокруг Украины Россия отказалась играть по старым западным правилам. За ее отказом стоит гораздо более глубокая тенденция: растущая часть мира отказывается играть по старым западным правилам. Мир становится все менее прозападным. И хотя Россия в силу своего характера и смелости открыто бросила Западу вызов, все понимают, что за этой новой Россией стоят новые великие страны, которые хотели бы нашей победы. Поэтому происходящее сегодня – это потенциально очень крупный перелом в отношениях между миром и Западом.

Но нужно понимать и риски. Россия пошла на тяжелую борьбу. Надеюсь, что мы не проиграем. Прекратим через обострение продолжающуюся холодную войну в Европе. И может быть – через годы – подпишем новый договор о Союзе Европы, в который войдут и Россия, и страны ЕС, и Украина (тогда она устоит и не будет разорвана своими противоречиями и внешними силами), и Молдова, и страны Закавказья, и Турция.

Выиграет и мир. У него появится третья опора. Двухопорная система, основанная на оси Китай – США по определению неустойчива. Будет лучше всем – и России, и другой Европе, и всем остальным.

Западный, североатлантический-южнобалтийский СМИ-дискурс тоже предстает в освещении (и форматировании!) событий на Украине-2014 меняющимся. Но иначе чем «российский / пророссийский». Ибо здесь циркулирование смыслов между плоскостями «тексты о политике – сама политика» весьма прагматично и результативно, суть – подлинная медиатизация.

Если российский дискурс менялся в выбранный период наблюдений в своем центре и основном потоке, то западный менялся только на периферии и в малых противоположных или перпендикулярных основному течению (в СМИ и блогосфере, выражающих альтернативное господствующему мнению). При этом «классического» модуса высказывания – вводных слов и словосочетаний, главных членов сложноподчиненных предложений, вводящих авториза-

цию, осторожную персуазивность, модальность + условность (типа «надо бы») и под. во втором случае было больше.

Пик тотального отрицания западным СМИ-дикурсом всей российской политики пришелся на вторую и третью декады июля, т.е. сразу вслед за трагедией с малазийским «Боингом». Только один пример из большого множества. **«Украинские сепаратисты – это путинские террористы?»** – заголовок французского ресурса Stale, автор – Даниэль Верне (<http://inosmi.ru/sngbaltia/20140724/221879366.html>). Далее – лид: Мятежники, которых считают виновными в крушении самолета Malaysian Airlines, были специально подготовлены Путиным для дестабилизации Украины. Но как они поведут себя, если президент России бросит их на произвол судьбы в попытке вернуть доверие на международной арене? Подчеркнут диктум с «нулевым» модусом, свидетельствующим, что информация подается как полностью фактическая (а в СМИ еще и проверенная), и только безличный предикат «считают» в модусном придаточном и вопросительный знак в заголовке оставляют возможность для правильной логической интерпретации текста (*их считают, но они таковыми могут и не быть; на любой вопрос – три ответа: «да», «нет», «не знаю»*). То есть оставлено маленькое окно для оппонирования, которым в силу самой дискурсной рамки большинство пренебрегает. В логике западной политической дискурсной рамки заранее ясен ответ Даниэля Верне на второй вопрос: нет, Путин своих мятежников не бросит, чему, разумеется, есть глобальные причины, ибо кризис не украинский, не региональный, а глобальный: *Российский лидер не может полностью бросить сепаратистов, которые сражаются во имя «Новороссии», то есть Восточной Украины. Он вдохновлял их и даже сам занимался формированием отрядов <...> Целью Путина было и остается поддержание хаоса и незащищенности на части украинской территории для ослабления центральной киевской власти и создания помех для принятия Украины в НАТО. В то же самое время он никогда не скрывал, что его стратегическая задача – вернуть России статус великой державы, который был потерян в конце холодной войны с распадом СССР. За последние годы он сделал несколько ощутимых шагов в этом направлении. И далее справедливое утверждение о том, что год назад российскому лидеру ...удался поистине мастерский ход с предложением о ликвидации арсенала химического оружия в Сирии, что позволило избежать западных ударов и укрепить власть его союзника Башара Асада.* И прочие очень логичные и безэмоциональные вещи. Но обращает на себя внимание то, что модусная дискурсная суперрамка диктует обязательство каждого автора этого дискурсного поля сопровождать каждый главный фактический слой политики, противостоящей политике западной, только одним авторизационным способом – Путин. Что здесь и сделано, несмотря на явную «томограмму» как легко читаемый риторический прием, а главное – на весь комизм предполагаемой ситуации, когда лидер ядерной супердержавы лично формирует, причем на самой Восточной Украине, взводы мятежников.

Полностью «нулевым» модусом авторизации мнения (т.е. отсутствием релятивности) с полным утверждением и развернутой экспликацией зла и мирового греха России в рассматриваемый период отметились практически все наблюдаемые газеты Польши. Например, «Речь Посполита»: *Россия, на-*

следница Советского Союза, бесцеремонно нарушает основополагающие принципы международного порядка, которые были закреплены после трех войн: первой, второй и холодной. Она попирает нормы Устава ООН, Заключительного акта Совецания по безопасности и сотрудничеству в Европе, Парижской хартии <...> Такой концентрации лжи и уловок в официальных заявлениях России, а также ненависти и доходящего до смешного лицемерия в ее пропаганде мы не видели с 50-х годов... (Роман Кузнец, 26.08.2014).

В апреле – мае мы находили материалы, где украинский кризис и сюжеты театра мировой политики с коллизией «Запад – Россия» освещались вне западной дискурсивной рамки, так что были представлены две правды либо даже критика западного политического и медиадискурса *только в газетах периферии Европы* – Греции, Турции и Норвегии, а также Венгрии, в интернет-СМИ США (Bloomberg.com и под.) и устами очень немногочисленной группы политологов-публицистов – Пола Робертса, Стивена Козна, Роберта Перри...

В целом европейские СМИ (кроме прибалтийских, польских и стран – республик экс-СССР) были более взвешенны в оценке событий, чем американские, что неоднократно подчеркивал ресурс «ИноСМИ», например в обзоре последней недели апреля так: «Европейские СМИ несколько менее тенденциозны в освещении ситуации вокруг Украины по сравнению с американскими. Даже ведущие издания Великобритании, обычно следующие в фарватере американского журналистского мейнстрима, позволяли себе достаточно объективную оценку обстановки и подробно излагали выступления министра иностранных дел РФ Сергея Лаврова, а не только главы госдепартамента Джона Керри» (<http://www.inosmi.ru/overview/20140501/219968927.html#ixzz32piYTqQR>).

И наконец, в период контрнаступления войск Новороссии во второй половине августа, в период крупных военных поражений Украины: Иловайского и других «котлов», в которые попали ее армия и батальоны полевых командиров, во время последовавших затем разговоров о перемирии, на наш взгляд, произошло не полное переформатирование политической дискурсивной рамки Запада, но некоторая ее трансформация. Так, американские газеты стали признавать наличие масштабных жертв мирного населения Восточной Украины в этой войне (первой из крупных традиционных газет The Washington Post), чего раньше не было и, наверное, в силу дискурса пика «холодной войны» не могло быть. В первую неделю – начало второй сентября западные СМИ признали, что Украина – важно – и Европа, и США потерпели поражение на театре военных действий в Восточной Украине. Причем не от «сепаратистов», а от «российских сил вторжения» и от Владимира Путина: *Самая важная после окончания холодной войны неделя для европейской безопасности завершилась точно так же, как и началась, – плохо. Российские силы вторжения добиваются на Украине все новых успехов, а США со своими европейскими союзниками почти не предпринимают каких-то значимых действий, чтобы остановить посягательства Владимира Путина на международный порядок* (The Wall Street Journal, 08.09.2014). Подчеркнутая номинация восточного субъекта военных действий (сам выбор формы, т.е. модус

именования), включает в себя и авторизационный и одновременно оценочные смыслы, и сами семантические *ключи* для дальнейших формаций смыслов.

Не оставляет сомнений, что в общем и целом политический дискурс, модусная дискурсная рамка в сентябре в американских СМИ не изменились. Но в некоторых примерах мы стали находить высказывания довольно взвешенные, с эксплицированным персуазивным модусом с самыми традиционными показателями и операторами неполного, ограниченного или возможного знания (вводными словами и выражениями, изъяснительными конструкциями), что говорит нам: данный дискурс начал дрейф в сторону обычного взвешенного интеллектуального **рассуждения**. Например: *Возможно, на Украине Путин сумел мобилизовать российское государство и ценой больших издержек и серьезных угроз для собственного правления переиграть Запад, но это не делает Россию возрождающейся сверхдержавой. По-видимому, повстанцы и российские части сейчас продолжают артобстрел окраин Мариуполя. Это показывает, что Кремль, судя по всему, намерен продолжать наступление или, по крайней мере, не собирается слишком усердно удерживать пророссийские силы от наступления – несмотря на договоренности о перемирии* (Джошуа Яффа, «Мир на условиях Путина» // Foreign Affairs, 07.09.2014).

Оценки событий конца августа – сентября в американских альтернативных медиа, где дискурсивные рамки обычно гибки, наоборот, становятся жесткими, нередко остается только «нулевой» модус как показатель высокой достоверности сообщения: *Президент Украины Петр Порошенко устраивает магическое шоу. Делая вид, что у его страны есть шанс вступить в Евросоюз или НАТО, он надеется скрыть постепенную капитуляцию Киева и Европы перед президентом России Владимиром Путиным* (Бершидский Л., Украина не может скрыть победу Путина // Bloomberg.com. 2014. 27 сент.). Это приводит нас к несколько провокативной мысли о том, что уменьшение политической силы одной стороны – пусть не в дискурсе, а в дискуссии, но которая, безусловно, часть дискурса, – ведет к увеличению стремления к непротиворечивому мнению, уверенному знанию, к подаче своих мыслей как истины другой стороны.

Хотя в целом и по главному вектору СМИ-дискурс Запада как был инициатором горячего дискурса в холодной войне в начале 2014 г., так и остался адептом и такой терминологии, и приближения к таким означающим каких-то адекватных означаемых. Если говорить только о знаках, то термин «холодная война» был более частотным в СМИ Запада, нежели России, весь 2014 г., что продемонстрировал и контентом и пафосом (включая интонацию и физиогномику) введения в свой вопрос на пресс-конференции В. Путина 18 декабря 2014 г. (вопрос прозвучал в 13:58 мск) Джон Симпсон (BBC), заявивший, что все западные страны согласятся с ним в том, что сейчас между ними и Россией идет холодная война.

Итак, если признать верной мысль о разворачивании модуса высказывания не только на пространстве текста, но и на пространстве дискурса, понимая под последним и совокупность текстов, выделяемых по определенным параметрам, и циркулирование смыслов между процессом разворачивания событий и процессом текстового ряда-континуума освещения этих событий

(например, в СМИ), и разворачивание дешифровки (понимания, интерпретации) этого континуума текстов на фоне знаний, представлений и установок адресата, то стоит признать следующее. Модус высказывания, складывающийся в сложные модусные перспективы и структуры в тексте, резонирует с такими смысловыми параметрами дикурсивного поля, как персуазивность (достоверно – недостоверно), оценка (хорошо – плохо), модальности (необходимости, возможности, долженствования и др.) и иными, но не может выйти за пред-данную интенциональную рамку и имеет главной своей функцией (в пределах именно ряда, континуума, совокупности однотемных текстов) запланированную его интерпретацию (модусная рамка политики в узком смысле) в целях осуществления программы действий (модусная рамка политики в широком смысле).

Кратко и очень обобщенно можно говорить о модусе на поле дискурса как о пред-данной тексту логико-психологической установке на *определенную* коммуникацию.

При освещении данных событий лояльными (неважно, принужденно или нет) своим правительствам российскими СМИ и медиа США и Западной Европы наблюдалась картина отнюдь не «информационной войны» как непосредственной пропаганды и контрпропаганды (что, безусловно, наблюдалось в пределах самой Украины), а информационно-речевого давления двух разных медиадискурсов на разные группы адресатов. При этом были различными одни из главных имманентных критериев медиадискурса как парадигмы (инварианта) – критерии (координаты) истинности и оценки.

Стратегия российских СМИ, чаще ставивших на модус персуазивности, при этом выглядит более сильной, чем стратегия западных, поставивших на оценочность. Когда чего-то нет, странно говорить о «плохих и хороших» сторонах этого «нет», в то время как сам вопрос «что такое хорошо и что такое плохо?» всегда выглядит субъективным, условным, с быстро меняющимися ответами.

А если вывести модус на пространство дискурса и понимать *политический* дискурс как не прекращающуюся никогда и нигде «пикировку», «поединок» между властью и оппозицией [14. С. 31], то это позволит посмотреть на новую «холодную (информационную) войну» между Западом и Россией и как на непримиримый **тон** первого субъекта, полагающего, что он есть «вечная мировая власть» в отношении того, кого он полагает «вечной мировой оппозицией без шансов», и наоборот, несогласный с первым **тон** второго субъекта, свои «шансы» не так давно научившийся реалистично просчитывать.

Литература

1. Синельникова Л.Н. Информационная война ad infinitum: украинский вектор // Политическая лингвистика / гл. ред. А.П. Чудинов. Екатеринбург, 2014. Вып. 2 (48). С. 95–101.
2. Копытов О.Н. Текстобразующая роль модусных смыслов на фоне сферных различий (на материале современной прозы): дис. ... д-ра филол. наук. В. Новгород, 2014. 477 с.
3. Шмелева Т.В. Текст сквозь призму метафоры тканья // Вопр. стилистики: межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 1998. С. 68–74.
4. Шмелева Т.В. Семантический синтаксис: текст лекций из курса «Современный русский язык». 2-е изд. Красноярск: Изд-во КГУ, 1994. 48 с.

5. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М.: Изд-во иностр. лит., 1955. 416 с.
6. Валгина Н.С. Теория текста. М.: Логос, 2003. 280 с.
7. Копытов О.Н. О сложных модусных перспективах // Вестн. Моск ун-та. Сер. 9: Филология. 2012. № 5. С. 174–182.
8. Современные теории дискурса: мультидисциплинарный анализ. Екатеринбург: Дискурс-Пи, 2006. 177 с. (Дискурсология).
9. Демьянков В.З. Политический дискурс как предмет политической филологии // Политическая наука. Политический дискурс: История и современные исследования. М., 2002. № 3. С. 32–43.
10. Политология: энцикл. словарь / общ. ред. и сост. Ю.И. Аверьянов. М.: Изд-во Моск. коммерч. ун-та, 1993. 431 с.
11. Манойло А.В. Государственная информационная политика в особых условиях. М.: Изд-во МИФИ, 2003. 388 с.
12. Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. М.: Эксмо, 2008. 944 с.
13. Газинская Ю.В. Конструирование политической реальности в русскоязычном медиадискурсе Украины: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Чита, 2014. 24 с.
14. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. М.: Гносис, 2004. 326 с.

MODUS ON THE DISCOURSE LEVEL (ON THE EXAMPLE OF THE “COLD WAR” OF 2014)

Tomsk State University Journal of Philology, 2016, 2 (40), 29–44. DOI: 10.17223/19986645/40/2

Kopytov Oleg N., Far East Federal University (Vladivostok, Russian Federation). E-mail: oleg_kopytov@mail.ru

Keywords: modus, text, discourse, mass media, global policy.

The author develops his concept of modus (like in Charles Bally's works) in this article in such a way that he moves modus on the discourse level. The discourse level, together with the variety of its meanings, is referred to as the sum of texts having similar characteristics as well as meanings circulating in a row of one direction texts and a similar row having the same actions within the reality that is reflected in them.

The author analyzes modus in the discourse aspect using the sharp political contradiction in 2014 (first of all, in mass media) of global political powers – the USA and their allies with Russia; the cause of this contradiction being the change of the power in the Ukraine. Modus is observed in this aspect with the help of the method of monitoring. The material containing approximately 800 mediatexts is devoted mostly to the events in the Ukraine in 2014. The mediatexts are from mass media and blogs for 7 months: from February 1 to September 5, 2014. The article does not involve political relations of the four sides – Russia, Ukraine, the USA and EU. The sphere of their interests is analyzed on the basis of mediatexts and for mediatexts with the aim to find a mechanism of modus “transferring” from an utterance into a text, and further on – into a discourse and its “functioning” in it.

Moduses of concrete categories (in accordance with the classification by T.V. Shmelyova) are implemented in a text by the method of explication of modus meanings followed by the hypotheses about the intentions of the authors of given mediatexts as well as political motivation of the format as a whole that generates given media material. The author introduces the notions “modus field of discourse” and “modus frame of the policy” of the actions that take place in the reality with further reflection in a number of homogenous texts. While determining these notions, the author demonstrates the mechanism of modus actions in the discourse as well as the goal of these actions. The article shows that modus is an organic semantic part of propaganda as well as a device to disguise and default the genuine intentions of the speakers. But in some cases, under certain conditions, modus is the marker of sincerity of the speakers and writers. Briefly, it is possible to talk about modus in discourse as a logical and psychological setting for definite communication preceding the text.

One of the most immanent criteria of mediadiscourse as a paradigm (invariant) are the criteria (coordinates) of genuineness and assessment. Opposing to each other in the “cold war-2014”, sides chose different strategies. The strategy of Russian mass media (and pro-Russian authors and formats) is to make a bet on the persuasiveness modus. Western (and “Russian anti-Russian”) sides make a bet on assessment. The former one is accepted as objectively stronger and, most likely, the winning one.

References

1. Sinel'nikova, L.N. (2014) Information Warfare Ad Infinitum: Ukrainian Way. *Politicheskaya lingvistika – Political Linguistics*. 2 (48). pp. 95–101.
2. Kopytov, O.N. (2014) *Tekstoobrazuyushchaya rol' modusnykh smyslov na fone sfernykh razlichiy (na materiale sovremennoy prozy)* [Text-forming role of modus meaning against the background of sphere differences (on the material of modern prose)]. Philology Dr. Diss. Velikiy Novgorod.
3. Shmeleva, T.V. (1998) Tekst skvoz' prizmu metafory tkan'ya [Text through the prism of the metaphor of weaving]. In: Sirotinina, O.B. (ed.) *Voprosy stilistiki* [Issues of stylistics]. Saratov: Saratov State University.
4. Shmeleva, T.V. (1994) *Semanticheskii sintaksis: tekst lektsiy iz kursa "Sovremennyy russkiy yazyk"* [Semantic syntax: text of lectures of the Modern Russian language course]. 2nd ed. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State University.
5. Bally, Ch. (1955) *Obshchaya lingvistika i voprosy frantsuzskogo yazyka* [General linguistics and issues of the French language]. Translated from French. Moscow: Izd-vo inostrannoy literatury.
6. Valgina, N.S. (2003) *Teoriya teksta* [The theory of the text]. Moscow: Logos.
7. Kopytov, O.N. (2012) O slozhnykh modusnykh perspektivakh [On complex modus prospects]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya – Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology*. 5. pp. 174–182.
8. Diskurs-Pi. (2006) *Sovremennye teorii diskursa: mul'tidistsiplinarnyy analiz* [The modern theory of discourse: a multidisciplinary analysis]. Ekaterinburg: Diskurs-Pi.
9. Dem'yankov, V.Z. (2002) Politicheskii diskurs kak predmet politicheskoy filologii [Political discourse as the subject of political philology]. In: Gerasimov, V.I. & Il'in, M.V. (eds) *Politicheskaya nauka. Politicheskii diskurs: Istoriya i sovremennye issledovaniya* [Political science. Political discourse: history and modern studies]. Vol. 3. Moscow: ISISS RAS. pp. 32–43.
10. Aver'yanov, Yu.I. (ed.) (1993) *Politologiya: entsiklopedicheskiy slovar'* [Political Science: Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Moscow University of Commerce.
11. Manoylo, A.V. (2003) *Gosudarstvennaya informatsionnaya politika v osobykh usloviyakh* [State information policy in special circumstances]. Moscow: MIPhI.
12. Krysin, L.P. (2008) *Tolkovyy slovar' inoyazychnykh slov* [Explanatory Dictionary of foreign words]. Moscow: Eksmo.
13. Gazinskaya, Yu.V. (2014) *Konstruirovaniye politicheskoy real'nosti v russkoyazychnom mediadiskurse Ukrainy* [The construction of political reality in the Russian-language media discourse in Ukraine]. Abstract of Philology Cand. Diss. Chita.
14. Sheygal, E.I. (2004) *Semiotika politicheskogo diskursa* [Semiotics of political discourse]. Moscow: Gnosis.